

ПИТЕР БИГЛ

Последняя из единорогов

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.111(73)
ББК 83.3(7США)
Б59

PETER S. BEAGLE
The Last Unicorn
Two Hearts

Перевел с английского С. Ильин

Стихи перевели с английского А. Глебовская, Е. Калявина

Бигл П.

Б59 Последняя из единорогов : [роман, повесть] / Питер Бигл ; [пер. с англ. С. Ильина, А. Глебовской, Е. Калявиной]. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 351 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-386-12858-6

В книгу вошли фантастический роман «Последняя из единорогов» и повесть «Два сердца». Эти изящные произведения, ставшие классикой фантастической литературы, погружают читателя в волшебную страну, где бок о бок живут обаятельные герои: сатиры и водяницы, дракончики размером с ладонь и двухголовые змеи, птицы феникс и прекрасные гордые единороги. Неподражаемый язык автора и сюжет превращают чтение в ожидание прикосновения к чуду. И подобно героям, увидевшим единорога-спасителя, читатели, будто замороженные, движутся по следам тайны, чтобы никогда не забыть это ее волшебное прикосновение.

**УДК 821.111(73)
ББК 83.3(7США)**

The Last Unicorn © 1968 by Peter S. Beagle & Avicenna
Development Corporation

Two Hearts © 2005 by Peter S. Beagle & Avicenna
Development Corporation

© Ильин С. Б., наследники,
перевод на русский язык, 2020

© Глебовская А. В.,
перевод на русский язык, 2020

© Калявина Е. Ю.,
перевод на русский язык, 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-386-12858-6

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ПОСЛЕДНЯЯ
ИЗ ЕДИНОРОГОВ

*Посвящается памяти доктора Олферта Даппера,
который в 1673 году видел дикого единорога в Мэне,
и Роберту Натану, заметившему одного-двух
в Лос-Анджелесе.*

Она жила в сиреновом лесу, одна. И была, хоть того и не знала, очень стара, окрас ее больше не напоминал беспечную морскую пену, а походил скорее на снег, падающий в лунной ночи. Но глаза еще оставались ясными, не усталыми, и двигалась она, точно тень по поверхности моря.

Какое-либо сходство с рогатой лошастью, а единорогов часто изображают такими, в ней отсутствовало — она была поменьше, с раздвоенными копытами и обладала той древнейшей, безудержной грацией, какой никогда не встретишь у лошадей, только олени носят в себе застенчивое, слабое подражание ей да насмешливо танцующие козы. Шея единорога была длинна и стройна (отчего голова казалась меньше ее настоящих размеров), а грива спадала почти до середины спины, мягкая, как пух одуванчика, и нежная, как перистые облака. А еще у нее были заостренные уши, тонкие ноги с опушкой из белых волос вокруг щиколок и длинный рог над глазами, который сиял даже

в найтемнейшую полночь, переливаясь собственным, таким, как у морских раковин, светом. Рогом она убивала драконов, исцеляла королей, чьи отравленные раны не желали затягиваться, и сбивала с деревьев каштаны для медвежат.

Единороги бессмертны. Они уединенно живут всегда в одном месте, такова их природа: обычно в лесу, где есть озеро достаточно чистое, чтобы единорог мог видеть в нем себя, — ибо они немного тщеславны и знают, что прекраснее их нет существ на свете, да и волшебнее тоже. Совокупляются они очень редко, и не существует мест чудотворнее того, где родился единорог. Когда она в последний раз видела другого единорога, с ним были юные девы, которые приходили искать ее и поныне; правда, в то время они говорили на другом языке, — впрочем, она ничего не ведала о месяцах, годах, столетиях и даже временах года. В ее лесу всегда стояла весна, потому что она жила здесь и бродила целыми днями среди огромных буков, и присматривала за животными, которые обитали в земле или под кустами — в гнездах и пещерах, на почве и верхушках деревьев. Поколение за поколением, равно и волки, и кролики, охотились и любили, и производили потомство, и умирали, а поскольку единорог ничего этого не умела, она не уставала наблюдать за ними.

В один из дней случилось так, что в лес заехали двое всадников с длинными луками, они охотились на оленя. Единорог шла за ними — так осторожно, что даже лошади их ее не учуяли. Вид людей наполнял ее старинной, медленной, странной смесью нежности

и страха. Она никогда не позволяла людям, если могла, увидеть ее, но любила наблюдать за ними, скача рядом, и слушать их разговоры.

— Не нравится мне ощущение, которое рождает этот лес, — ворчал охотник постарше. — Твари, что живут в единорожьем лесу, со временем обзаводятся собственной малой магией, касающейся большей частью способности исчезать. Не найдем мы здесь добычи.

— Единороги давно сгинули, — сказал второй. — Если, конечно, когда-нибудь существовали. Лес как лес, ничем не хуже прочих.

— Тогда почему в нем не опадает листва и не ложится снег? Говорю тебе, один единорог еще остается в мире — веселенькая, сказал бы я, судьба выпала старику, — и пока он живет в этом лесу, не найдется охотника, который, возвращаясь отсюда домой, сможет приторочить к седлу хотя бы синицу. Поезди здесь, поезди, увидишь сам. Я их фокусы знаю, единорогов-то.

— Из книг, — ответил второй. — Только из книг, сказок да песен. За годы правления трех королей никто даже тени единорога не видел ни в нашей земле, ни в любой другой. Ты знаешь о единорогах не больше моего, ибо и я читал те же книги и слышал те же рассказы, но и ты ни одного не видал.

Первый охотник некоторое время молчал, второй тоскливо насвистывал что-то сам себе. Наконец первый сказал:

— Моя прабабка однажды видела единорога. Рассказывала мне об этом, когда я был маленьким.

— Да ну? И что, она поймала его, взнуздала золотой уздечкой?

— Нет. У нее такой не было. Да и не нужна для поимки единорога никакая золотая уздечка, это все сказки. Требуется только одно — чистое сердце.

— Да-да. — Молодой охотник хмыкнул. — Ну, может, хоть прокатилась на единороге верхом? Без седла, под деревьями, как нимфа начала времен?

— Моя прабабка боялась крупных животных, — ответил первый охотник. — И кататься на нем не стала, просто сидела совсем неподвижно, а единорог положил голову ей на колени и уснул. Прабабка даже не шелохнулась, пока он не проснулся.

— На что он походил? Плиний описывает единорога как животное лютное, тело у него лошадиное, голова оленья, ноги слоновьи, а хвост медвежий; с густым воющим голосом и единственным черным рогом в два локтя длиной. А китайцы...

— Прабабка сказала только, что от единорога приятно пахло. Запаха любого животного она не переносила, даже кошки или коровы, а уж о диких и говорить нечего. Но запах единорога ей понравился. Она как-то даже расплакалась, рассказывая о нем. Конечно, она была тогда совсем старой и плакала над всем, что напоминало ей о молодости.

— Давай повернем и поохотимся где-то еще, — резко сказал второй охотник.

Единорог, позволяя им развернуть лошадей, тихо отступила в заросли и снова вышла на тропу, лишь когда они изрядно отделились. Мужчины в молчании доскакали до опушки, и там второй охотник негромко спросил: